

ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1917–1918 ГОДЫ

Проблема взаимоотношений Советской России со странами Запада после Октября 1917 г. столь многомерна, что, несмотря на большой комплекс посвященной ей российской и зарубежной литературы, она остается по-прежнему актуальной, в связи с тем, что анализ дипломатических отношений в исторических исследованиях, как правило, лишь дополняет освещение военно-политических событий. В статье предпринята попытка показать такие аспекты этой проблемы, как возможность признания ведущими западными державами новой власти и вопросы интервенции. Особое внимание уделено реакции внешнего мира на происходившее в России. Информационной основой статьи в значительной степени послужили иностранная печать и обзоры зарубежной прессы (из фондов Архива внешней политики РФ), наряду с докладами полпредов сыгравшие важную роль в обеспечении того минимума сведений, который позволил руководителям Страны Советов выработать собственную внешнеполитическую линию.

В частности, значительным представляется выявление геополитической преемственности политики Российской империи и Советской России в вопросах национальной безопасности. Говоря словами наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, требование безопасности «клином врезывается» в идейную политику советского руководства, что, конечно, усложняло попытку совместить революционность в идеологии с необходимостью нормализации отношений со странами внешнего мира. Даже в начальный период существования Советской республики высокая идеологизированность внешнеполитической активности ее руководителей не исключала применения ими для обеспечения выживания страны таких приемов, как использование противоречий между империалистическими державами.

Несмотря на то, что Россия была союзницей стран Антанты, «сердечной» близости между ними не было. Ни Англия, ни Франция, ни США сильной России не желали и, стремясь использовать ее в своих интересах, предпочли бы видеть ее исключенной из числа великих держав. П.Н. Милюков справедливо говорил в свое время, что у государства есть собственные жизненные, насущные интересы, независимо от того, управляют ли Россией либералы, социалисты или царские чиновники. За идеологическим флером и классовым подходом советских руководителей, считавших своими задачами выход страны из изоляции и восстановление отношений со всеми государствами, нередко проступали геополитические расчеты. Уровень развития экономических отношений также был ограничен идеологическими установками как с советской стороны, так и со стороны Запада.

Обострение «русского вопроса», возникшего после свержения монархии в России в связи с падением ее военной, экономической мощи и влияния, началось с октября 1917 г., когда он стал «вопросом о советском государстве»¹. Временное правительство оказалось слабым и беспомощным, однако возможность того, что большевики смогут победить и образовать собственное правительство, никем всерьез не рассматривалась. В ночь на 8 ноября Временное правительство было низложено и началась новая страница в российской истории. Советское правительство (СНК РСФСР) во главе с В.И. Лениным коренным образом изменило представление о национально-государственных интересах страны в области внешней политики. Готовя партию к завоеванию власти, Ленин и другие большевистские лидеры в 1917 г. рассчитывали на революцию в других странах

---

* **Быстрова Нина Евгеньевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

как на важное условие победы революции в России. Но в отличие от выстрадавших подавляющим большинством населения России требований мира, земли и свободы, тезис о возможной мировой пролетарской революции стал скорее продуктом утопических, интеллектуально-доктринерских увлечений большевистской верхушки, нежели следствием серьезного научно-политического анализа реальной действительности². Западный пролетариат оказался не настолько классово сознательным, как ожидалось, согласно марксистской теории, да и русскому рабочему мессианские компоненты сознания были навязаны позднее³.

Октябрьский переворот в России страны-союзницы встретили с ужасом и возмущением, «но с неполным осознанием» его огромного значения⁴. Первоначальный шок был смягчен широко распространенным мнением, что большевики обязаны своей победой лишь случайному стечению обстоятельств и вскоре будут отстранены от власти. Первый контакт (которому надолго пришлось стать и последним) официального лица союзников с новой советской властью состоялся 8 ноября по просьбе жены английского посла Дж. Бьюкенена – леди Бьюкенен, уговорившей британского военного представителя в России генерала А. Нокса попытаться спасти захваченный в плен женский батальон от якобы уготованной им «судьбы хуже смерти»⁵. Нокс отправился в Смольный и потребовал освобождения женщин, что и было в конечном счете исполнено.

8 ноября в английском посольстве в Петрограде состоялось и первое собрание всего дипломатического корпуса, созданное, по свидетельству посла США Д.Р. Фрэнсиса, по инициативе французус для обсуждения вопроса о безопасности иностранцев и принявшее решение о самостоятельных действиях каждой миссии. Послы, видимо, не обошли вниманием последнюю обращенную к ним накануне, 7 ноября, просьбу бывшего главы Временного правительства А.Ф. Керенского не признавать советского правительства⁶. Не случайно английское посольство на следующий день после собрания в специальном заявлении опровергло сообщение печати, которое, безусловно, имело под собой почву, о принятом послами постановлении покинуть Россию в случае упрочения советской власти⁷.

Державы Антанты новую власть не признали. Но они и не отзывали послов из Петрограда, сохраняя канал для диалога с большевиками, которых безуспешно пытались убедить продолжить войну с Германией. 8 ноября, после получения известия о перевороте, английская консервативная газета «Дейли Экспресс» написала, что любое вмешательство в российские события лишь ухудшит положение, предлагая Англии предоставить Россию на время самой себе. В тот же день английская консервативная газета «Морнинг Пост» напечатала своего рода лозунг интервенции, сообщив, что последователи Ленина являются врагами Антанты и открытыми друзьями Германии, поэтому никаких дел с ними быть не может. «Перед союзниками, – писала газета, – лишь одна задача – установить какими-нибудь средствами связь с русским народом и с теми его элементами, которые остаются верными союзникам». Словно следуя совету либеральной «Вестминстер газет» от 9 ноября «не делать ничего, что дало бы возможность максималистам (так называли большевиков. – *Н.Б.*) сказать, что мы, а не немцы являемся врагами, что мы покушаемся диктовать им», английское правительство и общественные круги решили держаться выжидательно. В течение двух недель в газетах наблюдалась определенная сдержанность: большинство статей ограничилось сопоставлением информации о событиях в России. Однако о признании СНК РСФСР речь даже не шла. Ожидание господствовало и в английском парламенте. 12 ноября министр иностранных дел А.Дж. Бальфур на запрос о положении дел в России ответил, что не может сделать никаких сообщений, помимо тех, что появились в прессе. Лишь через неделю, 19 ноября, последовал новый запрос, заставивший Бальфура признать факт «победы» советского правительства⁸. Первым официальным лицом в Великобритании, употребившим термин «русское правительство» по отношению к советской власти, был депутат от лейбористов Н. Бэкстон, спросивший Бальфура о том, какие сведения поступили от русского правительства относительно условий со-

глашения, якобы имевшего место между русским и немецким правительствами. Не удовлетворившись ответом Бальфура, не имевшего на этот счет сведений, Бэкстон послал запрос по поводу декрета советского правительства о мире, в английской прессе не появившегося: правда ли, что декрет обсуждался во французской прессе, а в Англии был запрещен к опубликованию? Лишь 21 ноября министр внутренних дел Дж. Кейв ответил, что слухи о запрете цензором публикации русских условий мира не соответствуют действительности⁹.

Принятый 8 ноября 1917 г. II Всероссийским съездом советов декрет о мире, указав на готовность нового российского правительства вступить в мирные переговоры со всеми странами, в том числе и с Германией, напугал союзников. Закладывая основы государственно-пропагандистского механизма, декрет противопоставлял народы различных стран их правительствам. Ленин и его сторонники, конечно, понимали, что условия мира не будут приняты ни одной из воюющих сторон, но еще острее они сознавали необходимость заключения перемирия. Декрет о мире был направлен 21 ноября послам союзных держав первым народным комиссаром иностранных дел Советской России Л.Д. Троцким, просившим рассматривать этот документ как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»¹⁰. Телеграфируя об этом в министерство иностранных дел Великобритании, английский посол Бьюкенен советовал оставить ноту Троцкого без ответа, предлагая правительству его величества заявить в Палате общин, что оно готово обсудить условия мира «с законно образованным правительством» и «не может обсуждать их с правительством, нарушившим обязательства, взятые на себя одним из его прешественников в соглашении от 5 сентября 1914 г.»¹¹, согласно которому союзные государства договорились не заключать сепаратного мира. На собрании глав союзных посольств и миссий 22 ноября у главы дипломатического корпуса (дуайена) Бьюкенена было единогласно принято решение не обращать внимания на советскую ноту. В тот же день на заседании английского военного кабинета рассматривался вопрос о возможности признания советского правительства. Тем не менее на следующий день министр блокады лорд Р. Сесиль заявил, что ни о принятии предложения советского правительства, ни о признании его самого не может быть и речи¹². Однако через несколько дней Бьюкенен, чье дипломатическое чутье, как весьма точно подметил Р. Уорт¹³, превалировало над его антибольшевистской позицией, отметил в дневнике необходимость пересмотреть позицию в отношении Советской России: «Я пришел к тому заключению, что единственное, что для нас остается, это сделать хорошую мину при плохой игре»¹⁴. Опасаясь заключения после войны русско-германского союза, который, по его мнению, представлял бы вечную угрозу для Европы, особенно для Великобритании, он предлагал освободить Россию от ее обязательств продолжения военных действий. Однако, не желая быть заподозренным в лояльности к большевикам, Бьюкенен сообщал, что он вовсе не защищает какого-либо соглашения с большевистским правительством, а напротив, думает, что принятие его курса выбьет из рук большевиков оружие, так как они не смогут упрекнуть союзников в том, что последние гонят русских солдат на убой ради своих империалистических целей. Видимо, вывод о необходимости рекомендовать своему правительству резкое изменение тактики Бьюкенен сделал ввиду неспособности военных миссий союзников помешать большевикам заключить перемирие.

Если в Великобритании при отсутствии единства взглядов на политику в «русском вопросе» шел ясно различимый процесс ее выработки, то правительство Соединенных Штатов в течение некоторого времени позволяло себе как бы не замечать Октябрьский переворот, узнавая о нем лишь из газет и надеясь на недолговечность советской власти¹⁵. Попытка выработать межсоюзническое соглашение о непризнании новой власти в России была предпринята Францией, пославшей 24 ноября в связи с этим запрос США. Формула этого запроса — «никакого нового русского правительства» — означала, что СНК РСФСР не только не признается, но и не упоминается. Соединенные Штаты отказались связывать себя подобным курсом. Но в тот же день государственный

секретарь США Р. Лансинг заверил посла Временного правительства в Вашингтоне Б.А. Бахметьева, что и впредь будет считать его послом России в Америке¹⁶.

Союзники полагали невозможным признать советский режим. Троцкий же, несмотря на стремление установить с ними дружественные отношения, в ответ на разъяснения экспертов о том, что инициатива приглашения послов должна исходить от него, и по протоколу новый министр обязан известить их о своем назначении официально в письменной форме, посчитал такую процедуру не соответствующей новым условиям. Нарком по иностранным делам не стремился налаживать и оперативную работу своего ведомства, рассматривая дипломатию как «буржуазный пережиток». Только к концу 1917 г. для осуществления связей с внешним миром был в основном сформирован аппарат Народного комиссариата иностранных дел (НКИД). Подавляющее большинство бывших российских дипломатов, работавших за рубежом, отказались сотрудничать с большевистской властью. Приказом НКИД от 9 декабря 1917 г.¹⁷ они были освобождены от своих обязанностей. Советскими представителями за рубежом Совнарком назначал не успевших вернуться в Россию революционеров-эмигрантов, таких как В.В. Воровский и М.М. Литвинов. Однако в иностранных державах в течение нескольких лет продолжали еще функционировать старые дипломатические и консульские представительства.

Стратегический внешнеполитический курс государства и тактические приемы его реализации утверждались в дальнейшем высшей партийной инстанцией – ЦК РКП(б). Деятельность НКИД началась с выполнения поставленной новой задачи — публикации секретных договоров, которая рассматривалась как «острейшее оружие против буржуазии». Сомнений в необходимости этой меры не возникало, несмотря на то, что советник французского посольства в Петрограде 5 декабря передал для печати текст принятого на совещании послов стран Антанты решения о том, что если советское правительство опубликует секретные документы, то тем самым оно сделает невозможным и какие-либо сношения союзных послов с ним¹⁸. Публикация в «Правде», «Известиях», «Рабочем и солдате» за ноябрь 1917 – февраль 1918 г. около 130 секретных документов (в основном это была дипломатическая переписка правительств стран Антанты, их шифрованные телеграммы) не могла не усложнить международного положения Советской России. Союзные державы заявили в связи с этим резкий протест, однако мировая пресса обошла их молчанием или, приводя короткие выдержки, преуменьшала их важность, считала их фальсификацией. Полностью перепечатали документы только манчестерская газета «Гардиан» – крупнейший орган либеральной партии, и нью-йоркская – «Ивнинг пост».

24 ноября 1917 г. лорд Сесиль сделал от имени английского правительства первое официальное заявление о непризнании советской власти, сообщив, что хотя и невозможно совершенно избежать деловых сношений (в частности, по вопросам, связанным с арестом британских подданных) с правительством, подстрекающим солдат арестовывать своих же генералов и открывать мирные переговоры с врагами, «не может быть речи о дипломатическом признании и сношениях с ними»¹⁹.

Союзники все как один промолчали в ответ на предложение Совнаркома присоединиться к переговорам о перемирии, выдвинутое в обращении к правительствам и народам воюющих стран 28 ноября 1917 г.²⁰ Германия ответила согласием. Однако единства взглядов по «русскому вопросу» у союзников не было, хотя все соглашались, что большевизм – «учение зловередное» и что «непризнание исповедующего зловередные взгляды правительства, номинально являющегося союзническим, — как писал Р. Уорт, — было бы правильным и с нравственной, и с политической точки зрения»²¹. Но до тех пор, пока сепаратный мир не стал реальностью, политическая мудрость такой тактики подвергалась сомнению. В связи с тем, что вероятность заключения перемирия существовала, к концу ноября 1917 г. неизбежным представлялся и контакт с Советской Россией.

Правительство большевиков не стремилось к сепаратным переговорам с Германией и ее союзниками, поскольку в случае успеха такие переговоры усилили бы положе-

ние стран Четверного союза, ослабив при этом позиции Антанты. Учитывая же фактическую оккупацию на это время войсками Германии и Австро-Венгрии ряда западных земель бывшей Российской империи, такое усиление не соответствовало российским интересам. Поэтому «Совнарком и НКВД РСФСР продолжали буквально атаковать нотами не только правительства стран Четверного союза, но и Антанты, и США, предлагая приступить к немедленному обсуждению возможности заключения всеобщего перемирия»²². Однако принятая 28 ноября в Париже на конференции стран Антанты формула подтверждала непризнание советской власти: каждое правительство должно было сообщить своему послу в Петрограде о готовности союзников к пересмотру целей войны с участием России, как только она будет иметь стабильное правительство, с которым они смогли бы сотрудничать²³.

Французское правительство, как и английское, весьма определенно заявляло о непризнании СНК РСФСР. Еще 23 ноября, до заявления лорда Сесилия, военные агенты союзных миссий в России направили бывшему главкому генералу Н.Н. Духонину протест против нарушения Россией договора от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира. 25 ноября глава французской военной миссии в России генерал Бертоло довел до сведения Духонина телеграмму своего правительства о том, что Франция не признает власть Совнаркома и ожидает, что тот категорически отвергнет всякие преступные переговоры и сохранит русскую армию на фронте против общего врага. «Франция уже заявляла, – сообщалось в телеграмме, – и сейчас еще более определенно заявляет, что она не признает никакого русского правительства, способного на заключение соглашения с врагом»²⁴. Французская газета «Тан», отражавшая взгляды МИД, 26 ноября сообщила, что при открытии Парижской межсоюзной конференции правительство Франции предложит опубликовать заявление, указывающее на опасность, которой при большевистском правительстве подвергается Россия, и осуждающее нарушение последней своих обязательств. Так как Франция была союзницей Российской империи еще до войны, она имела особенно веские причины для недовольства и наибольшее право для того, чтобы взять на себя инициативу этого протеста. Франция пошла еще дальше по пути непризнания и бойкота советского правительства, специально пригласив на конференцию в Париж В.А. Маклакова как посла Временного правительства с оговоркой, что это приглашение неофициальное. В тот же день Бальфур подтвердил заявление, сделанное лордом Сесилем 24 ноября в английском парламенте, о непризнании СНК РСФСР, сказав, что со времени падения Временного правительства в России нет правительства, с которым можно было бы войти в сношения²⁵.

Американское правительство, в отличие от английского и французского, официальных заявлений о непризнании большевиков избегало, придерживаясь позиции терпимости в «русском вопросе». По сведениям вашингтонского корреспондента «Ассошиейшен пресс» от 1 декабря 1917 г., у правительства США не было намерения рассматривать Россию как врага, даже в случае заключения ею перемирия с Германией. В связи с этим, если бы Межсоюзная конференция решила угрожающе предостеречь Россию, американские делегаты участвовать в этом предостережении не стали бы²⁶. В тот же день глава военной миссии США генерал У.В. Джайсон, знавший, очевидно, об этих настроениях в американских правительственных кругах, посетил Смольный и заявил Троцкому, что хотя он еще не имеет права говорить от имени американского правительства, не признавшего пока новой власти, он тем не менее явился в целях завязывания сношений и выяснения ряда обстоятельств. Получив формальное заявление Троцкого о мирной политике советского государства, Джайсон попросил разрешения передать это заявление в Вашингтон и добавил, что если и существовал когда-либо момент для протестов и угроз в адрес советского правительства, то теперь этот момент прошел²⁷. Сам факт беседы одного из лидеров Советской России с официальным представителем союзников вызвал в печати живейший интерес, однако большинство зарубежных комментариев было отрицательным, поскольку этот шаг воспринимался отчасти как признание советского правительства. Не удивительно, что через несколько недель Вашингтон отозвал Джайсона в связи с нарушением им запрета на прямые

контакты с Советами. Это произошло, видимо, после того, как в конце декабря 1917 г. Фрэнсис, убежденный Р. Робинсом, неофициальным агентом США и главой американского Красного Креста в Петрограде, в том, что советское правительство сильнее, чем полагают союзные представители, поручил Джадсону неформально уведомить большевистских лидеров: если перемирие будет окончено и Россия продолжит войну против Центральных держав, Фрэнсис рекомендует своему правительству: оказать России всю возможную поддержку и помощь²⁸. 2 января 1918 г. Фрэнсис писал в Вашингтон, что положение настолько неясно и постоянно меняется, что ему необходимо иметь возможность предпринимать собственные действия в отношении большевистского правительства. Посол особо подчеркивал: все, что он сделает, не явится формальным признанием этого правительства, однако необходимость неформальных переговоров в тот момент была настолько важна, что он «совершил бы большую ошибку, если бы не решил сына принять на себя ответственность за могущие быть сделанными шаги»²⁹. Любопытным представляется тот факт, что даже декрет советского правительства о национализации банков, принятый 27 декабря 1917 г., не произвел значительного впечатления на американских представителей³⁰. В дальнейшем Фрэнсис избрал тактику французов и англичан, увязывая «контакт с Советами» с поддержкой сил контрреволюции.

Если в правительственных заявлениях ведущих стран говорилось только о непризнании Советской России, то в европейской правой и официальной печати уже ставился вопрос об интервенции. Однако в целом была заметна определенная тенденция, особенно в Англии, – как можно меньше говорить о России, выжидая результатов открывшихся 3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске переговоров. «Русский вопрос», если и поднимался, то трактовался в основном в рамках максимального нейтралитета по отношению к советскому правительству и максимального дружелюбия к русскому народу³¹. Даже в остром вопросе об аннулировании долгов английское правительство воздерживалось от каких бы то ни было обязывающих заявлений и тем более угроз.

Принимая решение об открытии переговоров с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске, советские руководители исходили из убеждения, что воюющие государства, прежде всего Германия и Австро-Венгрия, находились на пороге революции, поэтому рассчитывали использовать переговоры о мире для ускорения революционного процесса. Само начало переговоров стало событием чрезвычайным, так как означало фактическое признание легитимности нового российского правительства участвовавшими в переговорах европейскими государствами. Советская делегация во главе с А.А. Иоффе, избрав тактику затягивания переговоров, предложила державам Четверного союза заключить перемирие сроком на один год. Но, решительно отклонив это предложение, они вместе с тем согласились на условие запрета на время переговоров переброски германо-австрийских войск с Восточного фронта на Западный, на чем настаивала советская делегация, не желавшая быть обвиненной державами Антанты в фактическом переходе на сторону противника³². Соглашение о перемирии с 17 декабря 1917 г. до 14 января 1918 г. было подписано.

А отказавшись от предложений Совнаркома страны Антанты, в частности, представители военно-политических кругов Лондона и Парижа, 4 декабря 1917 г. подписали краткий, а 23 декабря расширенный вариант «Конвенции между Францией и Англией по поводу их действий в Южной России». Французам, согласно этому документу, предоставлялось право развивать свои действия на территории к северу от Черного моря, направив их против врагов (германцев и враждебных русских войск); англичанам – на востоке от Черного моря, против Турции. Согласно документу, Россия была поделена на «сферы влияния», отражавшие геостратегические интересы обеих стран: английская зона – Кавказ, Армения, Грузия и Курдистан; французская – Украина, Бессарабия, Крым. Действия союзников во время интервенции подтвердили существование такого соглашения. Таким образом, можно уже говорить о продуманной тактике интервенции, хотя до окончания войны реализация конвенции и не предусматривалась.

Правительство Италии узнало об этом решении союзников 31 декабря 1917 г. и отнеслось к нему весьма болезненно, так как в тот момент не имело возможности отправить в Россию свои войска³³. Тем временем предпринимались попытки создания центра консолидации просоюзнических сил. Еще 14 декабря протокол № 298 военного кабинета Великобритании предписывал: не отказывать в запрашиваемых деньгах для поддержки в юго-восточной России сопротивления центральным властям, если Военное министерство и Министерство иностранных дел сочтут это необходимым. В тот же день Англия и Франция предоставили генералу А.М. Каледину 10 млн фунтов стерлингов для создания армии в 2 млн человек³⁴. В подготовленном 21 декабря английским военным кабинетом меморандуме говорилось о необходимости поддерживать связи с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом и попытаться убедить южную русскую армию возобновить войну. Отмечалась желательность привлечения к этому и США. Однако официально Вашингтон не выразил своего отношения к англо-французскому разделу сфер влияния в России. Соединенные Штаты, в целом воспринимавшие советскую власть менее враждебно, чем Франция и Англия, также придерживались тактики непризнания, но считали при этом необходимой политику невмешательства во внутренние дела Советской России. Тем не менее тайно они все же поддерживали английские и французские инициативы, оказывая, в частности, финансовую помощь Каледину и его сторонникам через Англию и Францию.

Временем тревог, разочарований и неопределенности для официальных и неофициальных представителей союзников в России можно назвать период, в течение которого проходил переговорный процесс в Брест-Литовске. Собственные правительства обрекали их на изоляцию, запрещая идти на контакты с большевистской властью, необходимые для повседневного исполнения дипломатических обязанностей. В такой ситуации большую услугу оказывали неофициальные агенты великих держав: Рэймонд Робинс (США), Брюс Локкарт (Великобритания) и капитан Жак Садуль (Франция). Эти люди обладали инициативой и широким кругозором, и хотя к советской власти они относились весьма критически, здравый смысл позволял им воспринимать революцию как свершившийся факт; в сущности, они и являлись подлинными представителями своих стран в России, так как только через их посредство происходили сношения между НКВД и союзными миссиями.

Отношение немцев к новой власти в России в последние месяцы 1917 г. было преимущественно положительным, а в некоторых политических кругах даже восторженным³⁵. Однако в дальнейшем оно изменилось в среде немецких левых под впечатлением от действий большевистского правительства (разгон Учредительного собрания, Гражданская война). Поднимая вопрос, что же побудило стороны подписать Брестский мир, исследователи, в частности С.З. Случ, справедливо полагают, что Ленин не сразу сделал ставку только на достижение мира с Германией. Позиция советского лидера в связи с дилеммой – вести ли войну против мирового империализма вместе с революционной Германией или, заключив мир с кайзеровской империей, натравливать ее на Антанту – менялась в первые месяцы пребывания большевиков у власти³⁶. Рассчитывая на революционный взрыв в Германии, советская делегация на начавшихся переговорах в Брест-Литовске делала ставку не на скорейшее подписание мирного договора, а на затягивание переговоров. Однако надежды большевиков оказались тщетными: в феврале 1918 г. будущий вождь Коминтерна Г.Е. Зиновьев признал, что момент был упущен, и мир следовало заключать в ноябре. На начавшихся 22 декабря переговорах о заключении мира между Советской Россией и державами Четверного союза глава германской делегации Р. Фон Кюльман представил советской стороне проект договора о мирном урегулировании, из которого следовало, что Германия не намерена выводить войска с оккупированных российских территорий, поскольку их нерусское население высказывается за отделение от России и переход под германское покровительство. В дальнейшем ультимативный тон и аннексионистский характер территориальных претензий лишь усилился. Так, 18 января от России требовали отделения уже не только

польских земель, Литвы, Курляндии, части Эстонии и Лифляндии, но и значительной части Белоруссии.

Пристально следившие за ходом переговоров союзники на все призывы советского правительства принять в них участие не отвечали, но и игнорировать миротворческий процесс не могли. 8 января 1918 г. свою программу мирного урегулирования на объединенной сессии палат конгресса представил президент США В. Вильсон. Самым ошеломляющим в его речи о «14 пунктах» стало одобрение переговоров в Брест-Литовске и дипломатии большевистских властей на этих переговорах, заслуживавших, по мнению президента, самой высокой похвалы за абсолютно ясное заявление о принципах мирного урегулирования и способах его достижения. Вильсон, считавший прозрачность намерений в дипломатии высшим проявлением чувства времени и правильно понятого долга перед истекающим кровью человечеством, за спиной которого вершилась мировая политика³⁷, нашел особо достойным стремление советских представителей вести переговоры открыто, не таясь от мирового общественного мнения. Тема России была центральной в его речи о «14 пунктах» (названных позднее З. Бжезинским «впрыскиванием в европейскую геополитику американского идеализма, подкрепленного американским могуществом»). Шестой пункт призывал освободить всю территорию России, урегулировать затрагивающие ее вопросы так, чтобы гарантировать ей полное и свободное содействие со стороны других наций в независимом определении своего политического развития и национальной политики, обеспечить ей прием в сообщество свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет, и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается. И для большевиков, и для их противников послание Вильсона оказалось неприятным сюрпризом. Большевикам, по мнению В.Л. Малькова, трудно было объяснить себе самим и народу подкупающую искренность, антиимпериалистическую и миротворческую патетику ведущей капиталистической державы. Возникла даже иллюзия возможного признания большевистского эксперимента³⁸. Однако, называя план Вильсона ловушкой, исследователь справедливо полагает, что Вильсон стремился выйти на решение, ставившее Россию в положение страны, замкнутой на свои внутренние (главным образом национальные) проблемы вплоть до победы в войне, а по возможности и дальше. Подлинный смысл затеянной Вильсоном и его помощником полковником Э.М. Хаузом интриги состоял в подключении большевиков к подрыву изнутри русской великодержавности при сохранении, по крайней мере номинально, территориальной целостности России (за исключением Польши, Финляндии и, возможно, Украины). Дружелюбный тон речи Вильсона советские руководители не заметили не могли, однако о признании советского правительства в ней речи не было.

Первая встреча Ленина с иностранными дипломатами произошла 14 января 1918 г. в связи с их протестом против ареста румынского посланника в России К. Диаманди, взятого накануне под стражу с целью заставить правительство Румынии прекратить разоружение русских войск и аресты российских представителей в этой стране. Дипломатический инцидент был исчерпан довольно быстро, Диаманди освободили и вскоре предложили выехать из страны, а «румынский золотой резерв, вывезенный ранее во время войны в Москву для сохранности, было приказано сохранить как собственность румынского народа и не допускать к нему румынскую олигархию»³⁹. Деньги, как предполагали, могли быть конфискованы в пользу России в качестве частичного восполнения потери Бессарабии, аннексированной через несколько недель Румынией.

Практическая политика вынуждала идти на компромиссы как одну, так и другую сторону. «Совершенно бесспорная истина: компромисс западных ценностей с большевизмом невозможен», – писал в своей записке по «русскому вопросу» в начале 1918 г. Артур Буллард, один из ближайших советников полковника Хауза. Однако общий вывод, к которому он пришел – это целесообразность неформальных контактов с большевистским правительством на чисто деловой основе⁴⁰. Согласие же на формальное признание могло быть дано только в обмен на важные уступки в области демократизации государственного устройства. «Шанс на признание» (по выражению Булларда,

«козырная карта признания») стал лишь средством влияния на ситуацию в России. Нельзя не согласиться с Мальковым, что ставка в этой большой игре была чрезвычайно велика – «раскрой территории России на самоуправляющиеся национальные образования, ориентирующиеся на западные либеральные образцы и строящие свою внутреннюю и внешнюю политику в значительной мере самостоятельно от центра»⁴¹.

Пока шла мировая война, германская угроза в глазах союзников оставалась опаснее угрозы большевизма. Брестский мир с Советской Россией наглядно показал в дальнейшем, что готовила Германия для проигравших.

В начале января 1918 г. Великобритания от враждебного непризнания советского режима, а затем максимальной сдержанности с большими колебаниями сделала шаг к признанию советского правительства, которое было поставлено «при известных условиях» в зависимость «от дальнейших событий», в первую очередь, на Брест-Литовских переговорах. В прессе тех дней почти не высказывались против возможности «при известных условиях» признания советской власти, но при этом считали неразумным воздерживаться от того же в отношении других «русских правительств», образовавшихся на Украине, Дону и в Сибири. Так, например, проконсервативная «Манчестер Диспач» 5 января 1918 г. писала о том, что политика союзников должна состоять в поддержке южной и азиатской России, и через созданные там правительства, а не через петроградское, работать над восстановлением страны.

Франция в январе 1918 г. решительно вступила на путь помощи врагам советского правительства, предоставив заем Украинской Центральной Раде, находившейся в открытой оппозиции к большевикам, и послав ее правительству военную миссию. В то же время, направляя в Киев официального представителя (вскоре там появился и английский), французское правительство категорически отказалось отправить даже неофициального представителя в Петроград⁴². Французские планы насчет Украины и, в частности, возлагаемые на Раду надежды относительно продолжения войны с немцами, разделялись и некоторыми английскими кругами. Однако права оказалась «Манчестер Гардиан», сообщив 29 января, что эти надежды ни на чем не основаны, и Рада первая заключит сепаратный мир с немцами. 9 февраля Украинская Рада действительно подписала мир с Четверным союзом.

Англия, считая невозможным пойти на полное признание советского правительства, не желала рисковать и разрывом с ним. Как сообщалось 16 января 1918 г. в «Дейли Мейл», Министерство иностранных дел Великобритании пришло к выводу о том, что по крайней мере в данное время большевистское правительство в России сильно укрепились, и ничего не может быть достигнуто игнорированием его фактической власти. В связи с этим английское правительство пожелало расширить размер неформальных сношений, установленных с Петроградом через Литвинова, однако общественное мнение должно было провести четкую демаркационную линию между подобным методом создания канала для сношений в исключительно практических целях и между тем, что могло бы восприниматься как признание большевистского государства. Далее газета называла причины, по которым британское и другие союзные правительства воздерживались от такого признания. Среди них – отсутствие доказательств того, что советское правительство представляет законное большинство русской нации; измена по отношению к союзникам, выразившаяся в непризнании договоров, заключенных с Россией; разрушение русской армии и уничтожение возможности ее помощи союзникам и др. Однако если газета пыталась внушить читателям, что своих отношений с Литвиновым правительство Великобритании не скрывало, то в своих парламентских заявлениях оно старалось всячески преуменьшить значение этих сношений, рассматривая их как неизбежное зло, и не отступать от испытанной тактики отказа отвечать на вопросы о России. Бальфур на заседании 16 января 1918 г. заявил: «Мы не признали Петроградской власти, как фактического и юридического правительства России, но мы проводим необходимые дела неофициальным путем через посредство агента, действующего по инструкциям нашего посольства в Петрограде. Большевистские власти назначили Литвинова своим представителем в Лондоне и мы намерены войти в анало-

гичные неофициальные отношения с ним»⁴³. Подчеркнув временный характер соглашения, министр иностранных дел Великобритании заявил, что хотя оно и не может быть включено в обычные рамки дипломатических сношений, но является наилучшим, отвечающим нуждам данного момента.

В конце января 1918 г. во французской печати появились сообщения о том, что политика непризнания большевиков является пассивной и пора перейти к активным действиям. Определенную роль в морально-психологической подготовке антисоветской интервенции сыграли и так называемые «документы Сиссона» о «большевиках – немецких агентах», опубликованные во Франции в начале февраля, однако серьезного политического резонанса они не вызвали из-за их явно фальсифицированного характера⁴⁴. Следует учитывать, что основное внимание дипломатии союзников в то время было обращено на вероятное возобновление военных действий на Восточном фронте.

Ленин, в свою очередь, понимая невозможность для России дальнейшего ведения войны, пришел к выводу о необходимости безотлагательного заключения сепаратного мира с Германией и ее союзниками на выдвинутых ими тяжелейших условиях. В соответствии с ними от России отторгались занятые немцами территории, включавшие в себя польские, литовские земли, часть латышских земель, эстонские острова на Балтике, значительную часть Белоруссии. Россия должна была вывести свои войска с территории Османской империи и Австро-Венгрии. Ленину пришлось доказывать большинству членов ЦК, выступавших против заключения сепаратного мира, что его подписание не только обеспечит большевикам реальные гарантии удержания власти в стране, но и создаст благоприятные внешние условия, при которых продолжение войны между двумя империалистическими группировками не позволит им объединиться против Советской России. Однако 10 февраля 1918 г. на переговорах в Брест-Литовске Троцкий выступил с декларацией об отказе РСФСР подписывать аннексионистский договор о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией и о полной демобилизации российской армии. В Берлине это заявление было воспринято как фактический разрыв перемирия, и 18 февраля немцы возобновили военные действия по всей линии фронта, фактически не существовавшего.

Советские руководители между тем вели переговоры с союзниками в надежде добиться от них какой-либо помощи. Так, Троцкий обращался к Локкарту, стремясь получить военную помощь Лондона; Ленин на встрече с Робинсом 13 февраля говорил о перспективах советско-американского экономического сотрудничества, вел он переговоры и с представителем военной миссии Франции Садулем. Неофициально Франция предлагала свою финансовую помощь, если Россия окажет сопротивление Германии. Ленин, как известно, решительно высказывался «за взятие картошки и оружия у разбойников англо-американского империализма», сохраняя при этом независимость внутренней и внешней политики. Он смог убедить в этом своих соратников, и 22 февраля 1918 г. ЦК принял резолюцию, в которой в интересах вооружения и снаряжения армии признал возможным закупать все необходимое у империалистических государств⁴⁵. Однако наступление немцев и их стремительное продвижение в глубь страны заставило союзников отказаться от каких-либо обещаний. Согласие же советского правительства на германские условия мира рассматривалось ими как аргумент в пользу союзнической интервенции. Для союзников настало время действий.

Завершение периода революционной фразы провозгласил и Ленин, вынужденный перейти от декларативных лозунгов к «реальной политике». 23 февраля 1918 г., в день, когда был доставлен в Петроград новый германский ультиматум, содержавший еще более жесткие требования, на заседании ЦК РСДРП(б) Ленину с большим трудом удалось добиться согласия на германские условия мира, названные им безмерно угнетательскими, хищническими⁴⁶. Опасаясь вторжения немцев в Петроград, 27 февраля в Вологду выехали служащие американского и японского посольств, а также китайской дипломатической миссии. Представительства других стран, в частности Франции и Италии, присоединились к ним позднее.

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске состоялось подписание мирного договора Советской России с державами Четверного союза на предъявленных ей тяжелейших условиях. От РСФСР было отторгнуто 780 тыс. кв. км территории с населением 56 млн человек (польские, литовские, латышские, эстонские и часть белорусских земель). На ней находилась треть железнодорожной сети страны, производилось 73% железа и добывалось 89% угля⁴⁷. Россия должна была заключить мир с Украинской Центральной Радой, вывести свои войска с территории Украины и Финляндии, а также из пограничных с Турцией закавказских областей Ардагана, Карса и Батума. Договаривающиеся стороны брали на себя обязательство воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных и военных установлений другой стороны. Советская Россия должна была произвести полную демобилизацию своей армии, включая войсковые части, вновь сформированные правительством⁴⁸.

Брестский мир стал тяжелым ударом для союзных держав. Их неофициальные представители пытались помешать ратификации договора, обещая поддержку со стороны своих правительств, однако в действительности их влияние на политику союзников было весьма ограничено. Так, Локкарт предостерегал Бальфура, что если союзники позволят японцам войти в Сибирь, перспективы сотрудничества с Россией перейдут в разряд безнадежных⁴⁹. Между тем вопрос о военной интервенции, в частности о намерении Японии вторгнуться на русский Дальний Восток и развивать свою интервенцию в Сибири, начал активно обсуждаться в странах Антанты. Соединенные Штаты, несмотря на возрастающее давление Парижа и Лондона, поддерживавших Японию, выражали сомнения в целесообразности интервенции. Сказывались геополитические интересы самих США: нежелание способствовать усилению Японии – своего основного конкурента в Тихоокеанском регионе, а также собственный интерес к Сибири и Дальнему Востоку. 4 марта 1918 г. корреспондент «Таймс» телеграфировал из Вашингтона, что сообщение из Берлина о заключении мира с Россией было встречено здесь общим стремлением немедленно заключить соглашение между союзниками и Соединенными Штатами относительно японского выступления.

Лорд Сесиль 9 марта и Бальфур 15 марта высказались за интервенцию, которую весьма настойчиво желала Франция и к которой довольно безразлично относилась Италия. Но ее началу препятствовало не столько несогласие США, сколько германское наступление на Западном фронте в конце марта. Среди других факторов следует отметить как недоверие Америки к Японии, так и невозможность Великобритании в связи с общим военно-политическим положением оказывать давление на Японию. Последняя, в свою очередь, не решалась выступить самостоятельно из-за внутривнутриполитических трений и сложных отношений с Китаем. Для советского правительства угроза интервенции со стороны Японии была столь же тяжела, как и со стороны Германии.

5 марта 1918 г., в разгар борьбы за ратификацию Брестского мира, советское правительство предприняло демарш, направленный на предотвращение японской интервенции и одновременно на установление деловых отношений со странами Антанты. В ноте, переданной Троцким Робинсу запрашивалось: может ли советское правительство рассчитывать на поддержку союзников в его борьбе против Германии и в какой форме она может быть оказана, в случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией, или если германское правительство, нарушив договор, возобновит наступление, или в том случае, если советское правительство вынуждено будет из-за действий Германии отказаться от мирного договора и возобновить военные действия?⁵⁰ В те дни и в союзнических кругах шли ожесточенные споры по вопросу о японской интервенции, которая обосновывалась необходимостью защиты от Германии Дальнего Востока. В советской ноте говорилось о защите всей России. Однако если союзники имели в виду интервенцию Японии против советского правительства под предлогом борьбы с Германией, то большевики намекали на приемлемость интервенции совершенно другого рода – со стороны Соединенных Штатов и Англии против Германии при условии невмешательства во внутренние дела России⁵¹. Ответа на ноту Троцкого получено не было. Равносильным ответу на ноту в

США посчитали обращение Вильсона к IV чрезвычайному Съезду советов, в котором выражалось сочувствие русскому народу в тот момент, когда «Германия ринула свои вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии»⁵². Но слова американского президента об отсутствии возможности правительства США в настоящий момент оказать России непосредственную и деятельную поддержку означали отказ проявить это сочувствие на деле.

Нота советского правительства от 5 марта 1918 г. не привела к отказу от ратификации Брест-Литовский мира или согласию на «интервенцию по приглашению». 15 марта 1918 г. Брестский договор был ратифицирован большинством голосов делегатов съезда (26 марта его ратифицировала и Германия). Формально договор включал в себя признание Советской Республики де-юре другими его участниками, что стало неизбежным следствием заключения мира.

Германия, став первой державой, установившей дипломатические отношения с Советской Россией, т.е. признавшей большевистский режим де-факто и де-юре, первой и нарушила Брестский мир. Продолжалось «состояние войны, при формально заключенном мире»⁵³. Воспользовавшись тяжелейшим внутренним и международным положением РСФСР для своей «ползучей агрессии», Германия продвигалась все дальше на Восток от согласованной в Бресте границы. Пользуясь отсутствием твердо установленных границ между Россией и Украиной, в апреле 1918 г. немецкие войска вторглись в пределы Курской, Орловской и Воронежской губерний, в мае захватили Крым, стали активно продвигаться к Северному Кавказу. Значительные силы германской армии оставались в Прибалтике, создавая потенциальную угрозу с юго-запада Петрограду. С севера-запада Советской России угрожали германские войсковые соединения вместе с белофинскими частями, продвигавшиеся в глубь Карельского перешейка.

Оппоненты Ленина по партии, а также их бывшие союзники по правительственной коалиции – левые эсеры требовали разорвать Брестский договор и вступить в войну с Германией. Однако к разрыву советско-германских отношений не привело даже совершенное 6 июля 1918 г. в Москве убийство немецкого посла В. фон Мирбаха, поскольку Брестский мир отвечал интересам обеих сторон: для Германии – как шанс на успешное завершение мировой войны, для Советской России – как жизненная необходимость в условиях разгоравшейся Гражданской войны и вмешательства в нее союзных держав. Но и стать основой нормальных отношений между странами этот договор, конечно, не мог. Обе стороны рассматривали его как тактический и временный. В памятной записке германского МИД в начале мая 1918 г. говорилось, что Брест-Литовский мир был ратифицирован только большевиками, а «следовательно в наших интересах, чтобы большевики пока оставались у власти»⁵⁴. Таким образом Германия не только не угрожала, но и была заинтересована на время войны в сохранении большевистского режима.

На Западе ратификацию Брестского договора восприняли как одностороннюю капитуляцию России на условиях Германии, ликвидацию Восточного фронта. Говорить о признании советского правительства даже де-факто после этого стало невозможно. Но самым неприятным сюрпризом было перевоплощение большевиков из сторонников идеи «свободного самоопределения» народов в поборников централизации и знаменосцев «объединенного движения», выбившего почву из-под ног у традиционных сторонников великодержавия – монархистов, кадетов, социал-патриотов и т.д.⁵⁵

Политические круги Антанты, крайне обеспокоенные тем, что Брестский мир значительно облегчал военно-стратегическое положение Германии и Австро-Венгрии, давая им возможность усилить свой потенциал на Западноевропейском и Балканском театрах военных действий, и одновременно выводил из войны ранее главного их союзника на Востоке – Россию, пришли к выводу о необходимости срочно вмешаться в происходившие там процессы⁵⁶. Правда, в статье профессора Академии Генштаба В.Ф. Новицкого (1922 г.) утверждалось, что выход России из рядов воюющих стран,

конечно, освободил некоторое количество неприятельских войск и дал немцам возможность перебросить их части во Францию, однако значение этой меры преувеличивалось бывшими союзниками и неверно ставилось в непосредственную связь с Брестским договором⁵⁷. Эта переброска началась задолго до договора, как только обнаружилось разложение русской армии, к тому же прибывавшие из России во Францию германские войска, уже значительно «распропагандированные» во время братания с русскими войсками и за время оккупации Украины, способствовали разложению германской армии, а следовательно, по мнению Новицкого, не усиливали, а ослабляли германцев на западе⁵⁸.

Тем не менее 15–16 марта 1918 г. в Лондоне состоялась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании, Франции и Италии (США воздержались), на которой была принята декларация о непризнании Брестского договора. Обсуждая проблемы интервенции на Дальнем Востоке и севере России и делая при этом ставку на враждебные большевикам силы, державы Антанты взяли курс на широкое вмешательство во внутренние дела Советского государства. Первые воинские части стран Согласия появились на российской территории в начале весны 1918 г. И если в апреле 1918 г. Япония при фактической поддержке Великобритании и Франции предприняла открытую интервенцию на Дальнем Востоке, то высадка британских войск в Мурманске была согласована с местной советской администрацией накануне подписания Брестского договора и обосновывалась защитой этого важнейшего порта от немцев.

Розыгрыш союзниками «мурманской карты» должен был стать своеобразным противовесом Брестскому миру. Идея интервенции в Россию «по приглашению» или «с согласия» советского правительства активно обсуждалась в марте–апреле 1918 г. в военно-политических кругах стран Антанты. Особые надежды связывали именно с Мурманом, так как здесь уже сложились определенные основы такого сотрудничества⁵⁹. Расширяя свое военное присутствие в регионе, руководители стран-союзниц надеялись на восстановление Восточного фронта, полагая при этом, что втягивание России в войну будет означать падение правительства, которое обещало своему народу мир. Пытаясь расширить социально-политическую опору для действий в России, державы Антанты поддерживали в этот период контакты и с большевистским правительством, и с его противниками. Советские же руководители для сохранения нейтралитета России в мировой войне соглашались на оккупацию как Германией Севастополя, так и Великобританией Мурманска. Сложность и противоречивость мурманских событий, уклончивость политики союзников вынуждала советское руководство к лавированию. Каждая из сторон вела свою политическую игру. По мнению американского историка Дж. Лонга, северная интервенция практически с самого начала «запуталась в сетях стратегических разногласий между союзниками и разгоравшейся русской гражданской войны»⁶⁰.

«Словесное, но дословно запротоколированное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края» было заключено 2 марта 1918 г. в Мурманске после того, как в ответ на запрос местного совета о возможности принять помощь со стороны союзных миссий в связи с угрозой вторжения немцев и белофиннов была получена телеграмма Троцкого, в которой говорилось: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий... Ваш долг сделать все для охраны Мурманского пути»⁶¹. Официально советское правительство не утвердило это соглашение, не предоставив, таким образом, великим державам никаких международно-правовых оснований для осуществления «интервенции по приглашению». Однако некоторые политические деятели, в том числе Троцкий, надеялись на то, что мурманское соглашение может стать прообразом общероссийского соглашения со странами Антанты и приведет к признанию ими советского правительства. Заключивший «словесное соглашение» председатель Мурманского совета А.М. Юрьев даже считал его официальным признанием Францией и Англией советской власти и доказательством того, что державам Согласия выгоднее сохранить Мурманск русским, нежели обра-

тить его в свою колонию. Отказ же большевистского правительства утвердить соглашение был вызван реальным опасением разрыва Брестского мира, подписанного днем позже мурманского соглашения, и началом интервенции Германии в Россию. К тому же для получения официального согласия советского правительства на ввод войск на территорию Русского Севера и Дальнего Востока правительство это необходимо было признать.

Советские руководители ввиду недостатка сил считали допустимой в тот момент помощь бывших союзников при условии невмешательства их во внутренние дела страны. Так, в конце марта – начале апреля подразделения англо-французских войск вместе с советскими отрядами и красными финнами приняли участие в упорных боях, отражая наступление белофиннов на Мурмане и в Карелии, а также в совместной борьбе против немецких подводных лодок. С молчаливого согласия советского правительства, заинтересованного в обороне Мурманского побережья и железной дороги от угрозы со стороны белофиннов и немцев, но из-за трудностей военного и дипломатического характера не сумевшего организовать ее своими силами, началось формирование финского легиона на Мурмане. 2 мая на заседании правительства по вопросу о развитии края, по словам Юрьева, Ленин на его вопрос об отношении к союзникам ответил: «Официально протестуйте против их нахождения на советской территории, неофициально – получайте от них продукты и военную помощь против финно-германцев»⁶². Однако долго такая политика лавирования продолжаться не могла. Все настойчивее становились требования с одной стороны, Германии – соблюдать условия Брестского договора, с другой – держав Антанты – расширить их военное присутствие в регионе. Германский ультиматум оказался весомее. Слова Ленина на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. о том, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной⁶³, союзники восприняли как крах их надежд на интервенцию «по приглашению». В итоге в державах Антанты верх взяли сторонники жесткой линии в отношениях с Советской Россией, считавшие невозможным сотрудничество с большевиками и сделавшие ставку на антисоветские силы. 14 апреля было опубликовано заявление премьер-министра Франции Ж. Клемансо, очевидно, с целью подчеркнуть непримиримость к политике мурманского соглашения, в котором несколько запоздало сообщалось, что французское правительство совместно с союзниками не признает нынешнего русского правительства и заключенного им мира. Сообщение такого содержания уже прозвучало 19 марта.

Политика, враждебная сотрудничеству с Советской Россией, брала верх и в Вашингтоне. 9 мая правительство США отозвало из Москвы Робинса, наиболее активного сторонника политики соглашения. Но как Вашингтону, так и Парижу и Лондону для окончательного выбора одной из двух политических линий (соглашение с большевиками против немцев или уничтожение советского правительства как предварительное условие в восстановлении Восточного фронта) требовалось, с одной стороны, такое событие в самой России, которое показало бы внутреннюю слабость большевистского правительства, с другой – необходимо было такое положение, «чтобы союзная интервенция была бы последним, и скорее всего, психологическим ударом по советской власти»⁶⁴. По мнению союзников, чехословацкое восстание, начавшееся в конце мая 1918 г., явилось именно таким событием и создало такое положение.

4 июня 1918 г. союзные представители обратились к советскому правительству с заявлением, в котором указывалось, что если будет произведено разоружение чехословаков, то державы-союзницы будут рассматривать это как акт враждебного свойства, направленный против них. Между тем накануне, 3 июня, Верховный военный совет Антанты утвердил меморандум № 31 о союзной интервенции в русских портах Северного Ледовитого океана⁶⁵, предусматривавший отправку нескольких британских, французских, американских или итальянских батальонов для овладения Мурманском и Архангельском. Целями интервенции называли стремление удержать последние коммуникации, связывающие союзников с Центральной Россией, помощь союзной ин-

тервенции в Сибири, а также обеспечение успешной переброски чешских и сербских частей на Север для использования их в борьбе с немцами. Окончательное решение об интервенции на Российском Севере было принято лишь через месяц, 3 июля 1918 г., седьмой сессией Верховного военного совета Антанты.

С расширением военной экспансии держав Антанты на российский Север менялось и отношение к ней советского правительства. Если весной и в начале лета 1918 г. последнее сквозь пальцы смотрело на активность союзников в районе Мурманска, то в конце июня его отношение к военному присутствию держав Антанты на российской территории радикально изменилось. 25–26 июня наступила политическая «развязка» мурманского узла. Во время переговоров по прямому проводу советскими руководителями и Юрьевым председатель краевого совета не поддержал предъявленных ему требований об отпоре бывшим союзникам на Мурмане, считая, что протест против пребывания англичан на Севере приведет лишь к гибели русской власти. «Если Вам до сих пор неуютно понять советской политики, равно враждебной и англичанам и немцам, – заявил ему Ленин 26 июня, – то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа»⁶⁶. 2 июля в «Известиях ВЦИК» вместе с приказом Троцкого об обороне Мурманского побережья появилось сообщение о том, что Юрьев объявлен «врагом народа» за принятое 30 июня Мурманским советом решение «действовать в дружеском контакте с союзниками».

С точки зрения осуществления интервенционного плана Великобритания интересовалась в основном Мурманском, Франция – Сибирью. Зарубежная пресса, поглощенная вопросом об активной, как тогда писали, интервенции, была полна сообщений о том, что Мурманск и Сибирь – это два пути, ведущие к одной цели; с занятием Владивостока чехословаками и Мурманска союзниками «доступ цивилизованного мира в Россию обеспечен с обоих концов»⁶⁷. Так, газета «Дейли Экспресс», желая сделать наглядной эту связь, 13 июля поместила рядом карты Мурманского побережья и Сибири с общей надписью: «Области, где союзники помогают России». В начале июля 1918 г. осуществить интервенцию через Мурманск представлялось гораздо легче, чем через Сибирь, где ситуация с каждым днем усложнялась, в том числе и для союзников: помимо так называемого Сибирского правительства в Томске и правительства генерала Д.Л. Хорвата, образовалось еще и Владивостокское правительство, также претендовавшее на Сибирь, и все они добивались союзной помощи.

Отъезд союзных послов из Вологды 25 июля означал, что до фактического начала интервенции оставалось весьма короткое время. В Советской России создалось невиданное в дипломатической истории положение: в стране находились пользовавшиеся полной неприкосновенностью официальные представители держав, открыто высаживавших вооруженные отряды для борьбы с правительством, с которым не порывали связи и при котором их послы были аккредитованы⁶⁸. Правительства Антанты не только не объявили о военных действиях против Советской России, но и всячески отрицали, что ведут против нее войну.

Для Германии, чем менее благоприятно складывалось положение на западе, тем важнее становилось положение на востоке. В критический момент выступления чехословацкого корпуса Германия оказала большевистскому правительству косвенную, но весьма существенную военную помощь. 23 июня Вильгельм II лично отдал распоряжение, чтобы немецкие войска не предпринимали никаких военных операций в России, а советскому правительству было сообщено, что оно может спокойно отвести свои войска от Петрограда и использовать их против чехословаков⁶⁹. Так как в Германии сохранение власти большевиков рассматривали в то время как равносильное отсутствию Восточного фронта, вероятность ее падения не могла не беспокоить немцев. В конце июля из Берлина пришло подтверждение того, что согласно дополнительным договорам, за выплату от 6 до 7 млрд марок русским дается право национализировать немецкое имущество. Представители Германии в Москве это решение расценили как слабость и намерение и в дальнейшем тесно сотрудничать с большевистским правительством. Барон К. фон Ботмер, представлявший при немецкой дипломатической миссии

Верховное главнокомандование, считал, что именно из-за этих договоров германское внешнеполитическое ведомство не потребовало «удовлетворения» за убийство графа Мирбаха. В своем дневнике он записал 1 августа, что большевистское правительство серьезно рассматривало вопрос о союзе с Германией против Антанты, «чтобы вместе с нашими финскими и балтийскими частями выступить в район Мурманска»⁷⁰. Однако пойти в этом вопросе до конца большевики не решались, по мнению Ботмера, из-за опасений, что официальное объявление войны Англии и Франции не найдет поддержки у народа, а также в связи с нежеланием предоставлять немцам для операций территории восточнее Чудского озера. Поэтому более желателен был бы случайный характер совместных действий. О молчаливом согласии на германское вмешательство и о проведении одновременной и скоординированной операции с войсками Советов сообщал в Берлин германский дипломатический представитель в Москве К. Гельферих после встречи с Чичериным 2 августа. Нарком иностранных дел, сообщив о бомбардировке англичанами Архангельска, обратился с официальной просьбой к правительству кайзеровской империи организовать германо-финское наступление против англичан на побережье в районе Мурманска⁷¹.

Чичерин действительно считал невозможным открытый военный союз с немцами «с учетом общественного мнения»; однако «параллельную акцию» – вполне реальной. Условием такой акции, по свидетельству Гельфериха, являлось бы то, что немцы не займут Петербург и, желательно, Петрозаводск. «В действительности это заявление означало, – писал германский посол, – что Советское правительство хотело, чтобы защитить Москву, вынуждено просить нас о прикрытии Петербурга»⁷². Отмечая стремление Ленина использовать антагонизм двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска Антанты, Чичерин писал о попытках наладить взаимодействие с немцами против интервенции союзников в августе 1918 г. Он признавал, что лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против генерала М.В. Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда для нападения на войска Антанты у Белого моря. На встрече с Гельферихом 2 августа нарком высказал пожелание, чтобы Германия прекратила поддержку армии генерала П.Н. Краснова на Дону и выступила бы против Добровольческой армии генерала Алексеева на Кубани. Германский статс-секретарь П. фон Гинце предложил Верховному командованию пойти навстречу просьбам большевистского правительства. О степени серьезности намерений обеих сторон свидетельствует факт проведения в конце августа совещания представителей немецкой и советской высшего военного руководства по согласованию деталей предполагаемых совместных действий против англичан. Конечно, обе стороны понимали, что речь идет не о заключении военно-политического союза между Советской Россией и Германией, а лишь о временном тактическом взаимодействии в противостоянии общим врагам. Тяжелое поражение германских войск в начале августа 1918 г. во Франции под Амьеном подтолкнуло Берлин к продолжению в отношениях с Москвой «брестской линии»⁷³, которая завершилась лишь после окончания Первой мировой войны.

Руководители Советской России внимательно следили за развитием международной ситуации, надеясь, что первая годовщина их прихода к власти будет ознаменована началом всемирной революции пролетариата. Особые надежды при этом возлагались на рабочее движение Германии. Советское представительство в Берлине выполняло не только дипломатические и пропагандистские функции, являясь для большевиков временным «окном в Европу»⁷⁴, но и выступало в роли координатора революционных сил, что не могло не вредить будничной работе дипломатов. Интерес к Германии подогревался и геополитическими соображениями. Окончание мировой войны открывало для РСФСР возможность не только возвратиться к границам, утраченным с подписанием Брестского мира, но и, выйдя из международной изоляции, вернуться в круг великих держав. Однако реальная ситуация оказалась весьма противоречивой: с одной стороны, поражение Германии открывало путь к восстановлению утраченных позиций в Восточной Европе; с другой – время лавирования между двумя воюющими коали-

циями закончилось, и державы Антанты получили свободу действий не только в отношении Германии, но и России. Показательно, что в ст. 12 Компьенского перемирия, заключенного 11 ноября 1918 г. между Антантой и Германией, предусматривалось, что германские войска останутся в оккупированных ими районах, входивших до войны в состав России, до тех пор, пока антантовские союзники будут считать это необходимым⁷⁵. Незадолго до своей капитуляции Германия пошла на разрыв дипломатических отношений с Советской Россией, надеясь, что этот антибольшевистский жест облегчит ей ведение переговоров с державами-победительницами. 5 ноября 1918 г. советский полпред Иоффе, сотрудники его миссии и других советских учреждений, вполне справедливо обвиненные в ведении враждебной пропаганды, были высланы из Германии.

Советских руководителей волновали революционные возможности и в странах Антанты – во Франции и Италии. В своей записке от 1 ноября Ленин просил главу советской дипломатической миссии в Швейцарии Я.А. Берзина не жалеть денег для пропаганды во Франции, предписывая ему все приготовить на случай, если Антанта заставит Швейцарию его выслать⁷⁶. 8 ноября действительно последовало решение Федерального совета Швейцарии о разрыве отношений с советской миссией в Берне, которой было предложено покинуть страну. Из полпредов за границей в Стокгольме в то время оставались Воровский и его уполномоченный в Копенгагене Я.З. Суриц; официального признания они не получили и завязывали только неофициальные контакты с разного уровня государственными деятелями. Однако после их высылки под давлением держав-победительниц из Дании и Швеции на рубеже 1918–1919 гг. Советская Россия оказалась в полной дипломатической изоляции. Советские представительства за границей вновь открылись только в начале 1921 г.

Итак, во время Первой мировой войны стратегическая цель союзников – удержание России в войне – сочеталась с тактикой контакта с Советами. Большевистским руководителям, в свою очередь, приходилось различными дипломатическими маневрами создавать возможности для геополитического утверждения Советской России, заигрывая то с одним, то с другим блоком государств. Рассматривая усилившуюся после заключения перемирия интервенцию стран Антанты (ее основным мотивом стало не создание Восточного фронта, а борьба с властью большевиков) как необъявленную войну, советские руководители в последние месяцы 1918 г. предлагали бывшим союзникам открыть переговоры о заключении мира⁷⁷, поручив НКВД предпринять все необходимые для этого шаги. Однако ответных шагов со стороны держав Антанты не последовало. Была проигнорирована и нота Литвинова от 23 декабря 1918 г. с официальным предложением Великобритании, Франции, Италии, Японии и США заключить мир с РСФСР. Державы Антанты установили строжайшую блокаду Советской России. Большевистское правительство, не признанное державами-победительницами, не было приглашено и на Парижскую мирную конференцию, начавшую свою работу в январе 1919 г. Но Советская Россия все-таки сумела восстановить свои позиции после геополитического краха 1918 г. Для этого ей пришлось пройти сложный, полный лишений путь от блокады к полублокаде, полумиру, от единичных и весьма специфических актов признания де-юре 1920–1922 гг. к широкой «полосе признаний» в 1924–1925 гг. Если в первый год существования РСФСР союзники принимали совместные «формулы непризнания» ее, то к середине 1920-х гг. каждая страна вырабатывала с учетом своих геополитических особенностей собственную «формулу признания», а Советская Россия стремилась к тому, чтобы все это не противоречило ее национально-государственным интересам.

Примечания

¹ Штейн Б.Е. Буржуазные фальсификаторы истории (1919–1939). М., 1951. С. 9.

² Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. С. 14.

³ Буддаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 102.

- ⁴ Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006. С. 185.
- ⁵ Там же. С. 182.
- ⁶ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 2001. С. 356.
- ⁷ Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975. С. 14–15.
- ⁸ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 8.
- ⁹ Там же, л. 8–9.
- ¹⁰ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. 1. М., 1957. С. 16–17.
- ¹¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 370–371.
- ¹² Кептан G.F. Russia leaves the war. Princeton, 1956. P. 94.
- ¹³ Уорт Р. Указ. соч. С. 193.
- ¹⁴ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 372.
- ¹⁵ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁶ Schuman F.L. American policy toward Russia since 1917. L., 1928. P. 56.
- ¹⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 35.
- ¹⁸ Там же. С. 39.
- ¹⁹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 10.
- ²⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 28–30.
- ²¹ Уорт Р. Указ. соч. С. 199.
- ²² Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 22.
- ²³ FRUS. 1917, Suppl. 2. V. 1. Wash. 1932. P. 352.
- ²⁴ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 15.
- ²⁵ Там же, л. 19.
- ²⁶ Там же, л. 21.
- ²⁷ Там же, л. 14.
- ²⁸ Там же, л. 112.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 110.
- ³¹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 23.
- ³² Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 40.
- ³³ Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией. 1917–1924 гг. М., 1993. С. 15.
- ³⁴ Военная интервенция и Гражданская война в России. (1918–1920 годы). М., 2009. С. 93.
- ³⁵ Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 гг.: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 28.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Мальков В.Л. Вудро Вильсон и Новая Россия (февраль 1917 – март 1918 г.) // Новая и новейшая история. № 1. 2000. С. 123.
- ³⁸ Там же. С. 124.
- ³⁹ Уорт Р. Указ. соч. С. 212.
- ⁴⁰ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 128.
- ⁴¹ Там же. С. 129.
- ⁴² АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 48.
- ⁴³ Там же, л. 54.
- ⁴⁴ См., например: Макаренко П.В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. № 5. 2008. С. 30–45.
- ⁴⁵ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 – январь 1918. М., 1958. С. 206–208.
- ⁴⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 376, 379.

- ⁴⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России... Т. 2. С. 41–42.
- ⁴⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 119–124.
- ⁴⁹ Уорт Р. Указ. соч. С. 265.
- ⁵⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 208–209.
- ⁵¹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 116.
- ⁵² ДВП СССР. Т. 1. С. 212.
- ⁵³ Там же. С. 312.
- ⁵⁴ Случ С.З. Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁵ Булдаков В.П. XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? М., 1993. С. 29–30.
- ⁵⁶ Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁷ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 33, п. 2, л. 49.
- ⁵⁸ Там же, л. 95.
- ⁵⁹ Голдин В.И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте–июне 1918 года // Отечественная история. № 1. 1994. С. 74–88.
- ⁶⁰ Зброшенныя в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 13.
- ⁶¹ Цит. по: Голдин В.И. Интервенты или союзники?... С. 76.
- ⁶² Там же. С. 81.
- ⁶³ В.И. Ленин о советской внешней политике. М., 1979. С. 63–64.
- ⁶⁴ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 164.
- ⁶⁵ Зброшенныя в небытие... С. 443–444.
- ⁶⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 376.
- ⁶⁷ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 220–221.
- ⁶⁸ История дипломатии. Т. 2. М.; Л., 1945. С. 389.
- ⁶⁹ Россия и Германия в годы войны и мира... С. 31.
- ⁷⁰ Ботмер К., фон. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. Нью-Йорк, 1999. С. 120.
- ⁷¹ Случ С.З. Указ. соч. С. 32.
- ⁷² Зброшенныя в небытие... С. 447.
- ⁷³ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. Указ. соч. С. 50.
- ⁷⁴ Ватлин А.Ю. Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 73.
- ⁷⁵ Системная история международных отношений в 4 томах. 1918–2000. Т. 2. Документы 1918–1940-х гг. М., 2000. С. 21.
- ⁷⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 201.
- ⁷⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 549, 556.

© 2012 г. С. В. ЛИСТИКОВ*

«РУССКИЙ СЛЕД» В АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Американской интервенции в России в 1918–1920 гг. посвящены десятки трудов отечественных и зарубежных исследователей. Особое внимание при этом вполне оправданно уделялось ее предыстории и начальному этапу. Скрупулезно анализировалось все многообразие обстоятельств, в конечном счете подтолкнувших президента В. Вильсона к «решению вмешаться»¹. При этом среди влиявших на него факторов

---

* Листиков Сергей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00-152а.